

Фасцинация, как сигнал, который не оставляет равнодушным, пробивает любые фильтры и захватывает мозг и нервную систему всех животных и человека.

Фасцинация широко используется в политике, в рекламе, в праздниках и т. д. Она используется путем манипуляции сознанием, чувствами и волей, что происходит и в общении социального работника с клиентом, однако используется она, как правило, на интуитивном уровне и зависит от мастерства конкретного специалиста. Появление новой науки «фасцинология» открывает еще малоизученные перспективы теоретического осмысления и практического использования приемов манипулирования сознанием, подсознанием, сверхсознанием и поведением людей главным образом через их эмоциональную сферу.

Фасцинация ярко проявляется в невербалике: кинесике, проксемике и такесике. Эти элементы пока еще слабо изучены и мало используются в практической социальной работе.

Научные исследования показывают, что способность улыбаться – врожденное качество. Это установлено при изучении слепых и глухих людей. Но отдельные элементы улыбки поддаются тренировке. Отсюда совет социальным работникам: «Ищите свою самую лучшую улыбку и чаще улыбайтесь!»

Фасцинационными свойствами обладает и речь социальных работников и социальных педагогов. Смешной вопрос, «прозрачный» анекдот, крепкое слово, но без «мата», упоминание об отдельных частях тела (ножки, животик, задница и т. д.) при общении создают благоприятную обстановку, позволяют перейти к более трудным проблемам клиента. Мы любим тех, кто шутит, использует неожиданные сравнения, меткие словечки, каламбурчики, проявляет артистические способности. Все это семантические (смысловые) и прагматические (ценностные) знаки фасциации.

Будущим социальным работникам и социальным педагогам нужно знать и уметь применять приемы фасциации, что лучше их к подготовит к практической профессиональной деятельности.

Е.Р.Ярская-Смирнова

Гендерно-чувствительный подход к социальной работе

Проблемы социальной работы и гендера тесно взаимосвязаны. На протяжении всей своей жизни мужчины и женщины сталкиваются с различными испытаниями, исполняют разные роли, получают различное вознаграждение и приобретают различные статусы. Разнообразные факторы приводят к статистически значимым различиям между мужчиной и

женщиной в продолжительности жизни, структуре занятости, определяют вариации семейных форм и неодинаковое содержание этапов жизненного пути у женщин и мужчин.

Необходимо учитывать, что все эти различия усиливаются под влиянием не только пола, но и взаимодействующих между собой факторов дохода, образования, расы, этничности и возраста. Речь идет о параметрах социальной дифференциации общества, которые при определенных условиях становятся основой социального неравенства.

Социальная политика и социальная работа направлены на достижение социальной справедливости и уменьшение неравенства, однако в некоторых случаях, как это ни парадоксально, могут приводить к воспроизводству социальной иерархии и угнетения одних социальных групп другими.

Иногда социальные работники, политики и чиновники ориентируются в своей практической, законотворческой и исполнительной деятельности не на принципы равенства прав мужчин и женщин, а на *гендерные* стереотипы. В таких случаях появляются законодательные акты и постановления, демонстрирующие гендерный дисбаланс, а практика социальной и психосоциальной помощи усиливает гендерное неравенство.

Например, заботу о женщинах иногда отождествляют с социальным обеспечением, а иные политики выдвигают тезис о необходимости повысить зарплату мужчинам настолько, чтобы женщина могла вести домашнее хозяйство и не заботиться о собственной карьере. Ведь для многих женщин труд по воспитанию детей и ведению домохозяйства не может восполнить потребность в профессиональной самореализации, работе в публичной сфере.

В свою очередь, мужчины вообще исключаются из числа возможных клиентов социальной службы, хотя социально-психологическая помощь им зачастую просто необходима. Это и мужчины, переживающие разрыв отношений в результате развода, и те, кто вернулся из мест боевых действий и переживает посттравматический синдром, мужчины, подвергшиеся насилию или демонстрирующие агрессивное поведение в отношении собственных жен или подруг, подростки, которые подвергаются наркотизации или втягиваются в экстремистские группировки, и многие другие.

В иных случаях социальные работники, студенты и преподаватели социальной работы принимают как должное тот факт, что женщины в большинстве семей берут на себя обязательства по уходу за больными, инвалидами, детьми и престарелыми. Так, например, в реабилитационных центрах для детей-инвалидов появляются программы «Школа для мам», тем самым отцы, пусть немногочисленные, но все же представленные в числе клиентов службы, лишаются нового вида услуг. В учебной литературе проблемы пожилых или инвалидов рассматриваются безотносительно к нюансам гендерной идентичности различных групп клиентов.

С нашей точки зрения, в социальной работе следует стремиться применять гендерный подход, т. е. в каждом конкретном случае иметь в виду то, что специфика переживания человеком трудной жизненной ситуации зависит от его пола, однако эта зависимость в большинстве случаев определяется не только и не столько биологически, сколько сопровождается мощным влиянием гендерных стереотипов.

Что ожидает общество, семья, ближайшее окружение от пожилого мужчины? Что вменяется в обязанность пожилой женщине в рамках той или иной традиции? Как связаны проблемы онкологических заболеваний, сексуальности и социально-психологическое благополучие членов семьи? Почему отцы так мало участвуют в заботе о своих детях, когда те так сильно нуждаются в этом? Может ли мужчина стать клиентом кризисного центра для жертв насилия? Что происходит с участниками военных действий и может ли социальный работник помочь им в решении проблем психического здоровья, занятости и социальной интеграции? Эти и многие другие вопросы задают себе те социальные работники, которые учитывают гендерные аспекты в своей профессиональной деятельности.

Лена Доминелли [3] предлагает несколько практических принципов социальной работы с женщинами:

- признавать разнообразие женщин; ценить их сильные стороны; избегать привилегий одним группам женщин в ущерб другим, поскольку это воспроизводит властные иерархии в обществе;
- относиться к женщинам как к активным агентам изменений, способным самостоятельно принимать решения во всех аспектах их жизни; предоставлять женщинам возможность высказаться, рассказать о своих потребностях и способах решения проблем;
- рассматривать индивидуальные проблемы женщин не сами по себе, а в контексте социальных ситуаций и признавать взаимосвязи между конкретными людьми и группами, имеющими отношение к проблеме; убеждаться в том, что потребности женщин удовлетворяются в системе их взаимодействия с другими людьми, группами и сообществами, а личность каждой женщины тоже рассматривается как система; признавать взаимозависимый характер человеческих отношений, вследствие чего все то, что происходит с одним человеком или группой, имеет воздействие на любого другого человека;
- признать, что проблемы каждой женщины имеют социальные причины и работать как на индивидуальном, так и на социальном уровне в каждом случае интервенции; переопределять приватные, индивидуальные невзгоды как публичные, социальные проблемы; признавать принцип «личное есть политическое» на макро-, мезо- и микроуровнях практики; стремиться находить коллективные решения для индивидуальных проблем.

В свою очередь, осуществляя социальную работу с мужчинами, важно признавать следующие закономерности:

- гендерные отношения связаны с властью и играют большую роль в жизни мужчин; маскулинность объяснима в аспекте динамики властных отношений, в которых более сильные стремятся доминировать над теми, кто считается социально подчиненными или слабыми;
- существует связь между структурными ограничениями, индивидуальным поведением и недостатками эмоционального развития;
- мужчины имеют привилегированные позиции над женщинами в силу особой организации общества и отвечают за собственное поведение в практиках угнетения;
- мужчины различаются между собой; это разнообразие отражает, в том числе, различную степень привилегированности как отдельных индивидов, так и групп;
- существует системное сходство между мужчинами, которые упражняются во власти, угнетая женщин и детей, демонстрируя неподконтрольное и агрессивное поведение, и теми, кто хотя и не совершает насильственных действий, но уверен в справедливости социальных отношений, порождающих подобное поведение;
- необходимо приветствовать переопределение мужественности, чтобы оно основывалось на отношениях поддержки и равенства, а не угнетения и доминирования.

Как это ни парадоксально, но социальные службы, дома-интернаты и образовательные учреждения порой воспроизводят ту самую структуру социальных отношений, на которой базируется существующее в нашем обществе неравенство, в том числе по признакам социального класса, пола, инвалидности и возраста. А дискурс социальных проблем зачастую становится их источником. Ведь от того, что именно и какими словами говорится о пожилых, инвалидах, бедных, мужчинах и женщинах, детях и семьях в учреждении, профессиональном сообществе, средствах массовой информации и учебной литературе, зависит самоопределение специалистов и потребителей услуг – клиентов.

С позиций радикальной теории социальной работы, социальные работники не просто доминируют над клиентами в разрешении индивидуальных или групповых проблемных ситуаций, а обеспечивают и организуют коллективное действие и рост сознания, тем самым помогая осуществить позитивные социальные изменения. Этот подход сродни либерально-демократической модели феминизма, где большое значение придается именно образованию и совершенствованию правовых механизмов достижения социальной справедливости.

Радикальная теория и практика социальной работы происходит из критики традиционной (психодинамической) социальной работы, теорий, полагающихся на психологические объяснения социальных проблем, и функционалистских теорий, которые принимают как должное существующий социальный порядок.

Во-первых, исследователи и социальные работники, следующие традиционной схеме, склонны сводить сложные социальные проблемы к индивидуальным психологическим особенностям, имеют тенденцию «обвинять жертву», возлагая на клиентов ответственность за те проблемы, которые на самом деле имеют социальное происхождение, и тем самым отвлекают внимание от социальных условий.

Во-вторых, традиционная социальная работа «приватизирует» клиентов, испытывающих социальные проблемы, и пытается решить их трудности индивидуально, вместо того, чтобы объединить их с теми людьми, с кем они могли бы разделить этот опыт и, возможно, справиться с проблемами совместными усилиями.

Наконец, традиционная социальная работа, следуя сложившимся правилам объяснения и поведения, укрепляет несправедливое социальное устройство капиталистического общества.

Помимо критики методов социальной работы, радикальная модель осуждает негативные стороны самой системы социальных услуг [4]. Поскольку роль социальных служб ограничена и фрагментарна, они не в состоянии помочь человеку справиться с трудной жизненной ситуацией и не могут совладать с целым спектром социальных проблем, которые требуют своего разрешения. Кроме того, сама модель, по которой осуществляется финансирование учреждения, ограничивает имеющиеся ресурсы и не допускает принятие решений, противоречащих интересам финансирующей стороны.

При этом корпоративная культура организаций формирует внутреннюю коллективную точку зрения, которая находится в согласии с интересами социального большинства, а иерархическое и бюрократическое устройство организаций приводит к усилению контроля и согласования с правилами и конвенциями. Наконец, позицию организации на заседаниях администрации и комитетов, отвечающих за деятельность учреждений социальной сферы, представляют те, кто выступают от имени системы и принимают ее правила, а не от лица угнетенных и непривилегированных.

Таким образом, профессионализация социальной работы приводит к тому, что общество наделяет социальных работников статусом, доходом и другими преимуществами профессии. Отсюда следует, что социальные работники поддерживают существующее положение вещей и избегают проводить критический анализ проблем, с которыми им приходится сталкиваться.

Между тем далеко не все отечественные руководители учреждений и департаментов социальной сферы пришли к мысли о необходимости регулярной рефлексии, критической оценки и анализа эффективности своей работы. И пока, к сожалению, такие исследования проводятся нерегулярно и не стали частью современной системы социальной защиты в таком виде, как на Западе.

В странах Западной Европы и Северной Америки государственные и неправительственные социальные службы активно сотрудничают с университетскими кафедрами социальной политики и социальной работы по разным направлениям, в том числе по вопросам оценки эффективности своей деятельности: кафедра получает заказ на исследование, в результате которого появляется отчет с рекомендациями, как улучшить практику работы социальной службы. Надо сказать, что традиция привлечения университетских кафедр соответствующего профиля для подобного рода исследований за рубежом имеет давнюю историю. Это неотъемлемая черта западной демократии – открытость критике и принципиальность независимой экспертизы, в отличие от других стран, где вышестоящие проверяют подчиненных, а центр контролирует провинцию.

Гендерные аспекты социальной работы с различными группами населения сегодня не могут не приниматься в расчет сегодня при подготовке специалистов и в реализации задач профессиональной практики[1; 2]. Вся система социально-экономических отношений – формальная и неформальная – имеет четко выраженную гендерную структуру, и это не может не отражаться на том, как реагируют отдельные мужчины и женщины или социально-демографические группы населения в ответ на такие явления, как безработица, рост бедности и расширение теневого рынка труда.

Теоретические принципы и практические вопросы гендерно-чувствительной социальной работы, которые мы обсудили, заостряют проблематику властных отношений не только между мужчиной и женщиной, но и между социальным работником и клиентом. Тем самым этический кодекс социальной работы приобретает более четкие очертания, будучи адаптированным к конкретным условиям взаимодействия с целевой группой клиентов. Приемы, которые позволяют распознать и пересмотреть гендерные стереотипы в практике социальной работы, необходимы для профессионального роста каждого специалиста. В частности, феномен домашнего насилия является очень важной и сложной проблемой современного общества, которую пытаются решать социальные работники во многих странах мира. Гендерные исследования позволили выявить целый ряд причин этого вида преступления, а феминистская социальная работа предлагает способы его предотвращения.

Отметим, что в самой структуре подготовки социальных работников могут проявляться отношения гендерного неравенства. Эти отношения будут выучиваться и затем воспроизводиться в профессиональной практике. Вот почему важно уже со студенческой скамьи обращать внимание будущих специалистов на такие проявления гендерного неравенства, как насилие и дискриминация, игнорирование потребностей и стереотипное оценивание проблем в практике работы с клиентом, в системе образования.

Формальное образование, к сожалению, далеко не всегда может решить воспитательную задачу, сформировать или трансформировать личностные установки учащихся. Если принципы гендерного равноправия и нондискриминации, навыки критического мышления и гендерно-чувствительной практики будут глубоко усвоены, можно надеяться и на то, что они станут неотъемлемой частью профессиональной идентичности и личности студентов. А если выпускник или выпускница курса нарушают права членов своей семьи, судят стереотипно о мужчинах и женщинах в повседневной жизни или проявляют нетерпимость и оскорбительное обращение в отношении тех, кто слабее и нуждается в помощи, – такую подготовку в вопросах теории и практики гендерного подхода вряд ли можно признать эффективной.

Гендерные исследования социальной работы связаны и с еще одной важной проблемой. Множество текстов переводится и публикуется, в том числе в Интернет, на русском языке. Ведутся курсы дистантного обучения, авторские работы размещаются на сайтах или рассылаются в файлах стажерам по электронной почте. Скорее всего, следует предпринимать специальные меры для защиты авторских прав таких текстов. Хотя может показаться, что идеи, касающиеся прав человека, равенства, справедливости принадлежат всем, поэтому никаких особых проблем с авторскими правами здесь нет.

Недавно мне пришлось столкнуться с несколькими фактами использования моих текстов и текстов моих коллег. В январе 2004 г. в Саратовский государственный технический университет поступила на внешний отзыв докторская диссертация из Казахстана Кожамкуловой Лязат Томгеновны «Социальная работа как социальный институт: мировой опыт и Казахстан», в которой, как нам удалось обнаружить, примерно 20% текста было дословно заимствовано из учебных пособий, монографий и статей саратовских и барнаульских коллег.

При этом ссылки ставились далеко не всегда, кавычки не использовались, а сноски из оригинала были перенесены в диссертацию так, будто бы они являются результатом самостоятельного творческого поиска ее автора. Несколько публикаций диссертантки, упомянутых в автореферате и представленных на экспертизу, написаны по этим же материалам.

Так, в казахстанском журнале «Мысль» (2003. № 10) была опубликована статья за авторством Л.Т.Кожамкуловой под названием «Гендерно-чувствительная модель социальной работы», которая является дословным воспроизведением моего текста, ранее опубликованного в учебном пособии «Социальная политика и социальная работа: гендерный подход» в Саратове, в Саратовском государственном техническом университете в мае 2003 г. Никаких ссылок на саратовское издание в публикации Л.Т.Кожамкуловой нет.

Еще одна публикация за тем же авторством «Оккупационная терапия в социальной работе: опыт США» в казахстанском журнал "Саясат"

(2003. № 6) содержит фрагменты из моих текстов, ранее опубликованных в учебном пособии «Социальная работа: методология, теория, технологии» в Саратове, в издательстве Поволжского Межрегионального учебного центра в 1998 г. В этом случае ссылки на учебное пособие имеются, но дословные заимствования не заключены в кавычки и представлены в недопустимом изобилии.

На мой взгляд, необходимо широко обсуждать проблему плагиата, предпринимать специальные санкции в отношении тех людей, которые этим занимаются, чтобы развивать традиции честной науки, особенно в такой новой сфере социально-гуманитарного знания, как гендерные исследования и социальная работа.

Библиографический список

1. Социальная политика и социальная работа: гендерный подход / Под ред. Е.Ярской-Смирновой. Саратов, 2003.
2. Социальная политика и социальная работа: гендерный аспект / Под ред. Е.Ярской-Смирновой. М., 2004.
3. *Dominelli L. Anti-oppressive social work theory and practice. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.*
4. *Payne M. Modern Social Work Theory. A critical introduction. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1991.*